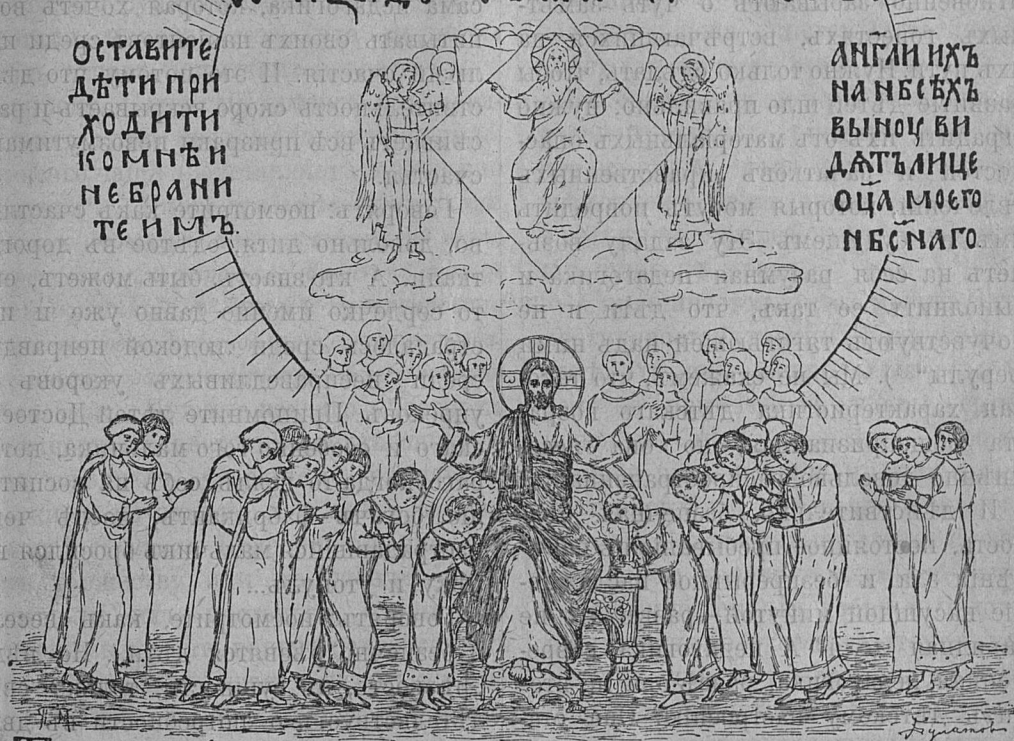

БОЖІА ПИВА

сѣ и҆зыде сѣмѣи да сѣтъ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ БРАНИ
ТЕ МНѢ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ДѢТСКІЕ ЗАПРОСЫ СРЕДИ ЖИТЕЙСКИХЪ ТРЕВОГЪ.

Много разсуждали и писали въ разное время о счастливѣйшей порѣ жизни. И если дать вѣру общераспространенному, кажется, мнѣнію, то таковою порою обычно считается дѣтскій возрастъ. „Дѣтство безпечно и не смущается мыслью о будущемъ. Если у него есть горе, то это горе дѣтское; слезы — тоже дѣтскія; тревоги — мимолетныя“. Посмотрите на личики дѣтей — они еще не обсохли

отъ слезъ, какъ уже снова расцвѣли улыбкой. „Посмотрите, какъ дѣти весело и беззаботно рѣзвятся, всецѣло погруженные въ свои насущныя радости и даже не подозревая, что въ окружающемъ ихъ мірѣ гнѣздится какое-то злое начало, которое подтачиваетъ миллионы существованій. Жизнь ихъ течетъ свободная и спокойная, въ однѣхъ и тѣхъ-же рамкахъ, сегоднѣ какъ вчера, но самое однообразіе

єтихъ рамокъ не утомляєть ихъ, потому что содержаніємъ для нихъ служитъ непрерывное душевное ликова- ніе. Всѣ дѣйствія дѣтей свидѣтель- ствуютъ о невозмутимомъ душевномъ равновѣсіи, благодаря которому они мгновенно забываютъ о чуть замѣт- ныхъ горестяхъ, встрѣчающихся на ихъ пути. Нужно только сдѣлать, чтобы развитіе дѣтей шло правильно; нужно оградить ихъ отъ матеріальныхъ опас- ностей и зачатковъ нравственныхъ увлеченій, которыя могутъ повредить имъ въ будущемъ. Эту задачу возь- метъ на себя разумная педагогика и выполнить ее такъ, что дѣти и не почувствуютъ тяготящей надъ ними ферулы“¹⁾. Мы не скажемъ, что тако- вая характеристика дѣтскаго возра- ста общепризнанная, но она несо- мнѣнно довольно распространенная.

И дѣйствительно, безпечная рѣз- вость, постоянное пребываніе въ невѣ- дѣніи зла и непрерывное наслажде- ніе насущной минутой—развѣ это не завидная доля? А педагогика, совре- менная педагогика, развѣ она не вто- ритъ дѣтскому настроенію? Она ста- рается дать дѣтямъ какъ можно болѣе счастливыхъ минутъ, чтобы въ ихъ душу не вторгалось сомнѣніе, неиз- бѣжно связанное съ опасеніемъ и тре- вогою за невозмутимость счастья и неустранимо влекущее за собою ро- потъ—эту наивѣрнѣйшую ступень къ озлобленію. Она пытается сохранить дѣтскую душу во всемъ ея невѣдѣніи до той минуты, когда „сама собой вторгнется всеразрушающая сила жиз- ни и скажетъ: отнынѣ начинается пора зрѣлости, пора искупленія непочато- сти и невѣдѣнія!“²⁾ Она силится даже

создать „иллюзію счастья“¹⁾, если его нѣтъ въ дѣтской дѣйствительности... Какія отрадные вѣрованія! И какія широкія задачи педагогики!..

И однако жизнь говоритъ иное. Предъ нею пасуетъ иногда даже и сама педагогика, которая хочетъ вос- питывать своихъ паціентовъ среди ил- люзіи счастья. И это потому, что дѣй- ствительность скоро вскрываетъ и раз- сѣиваетъ всѣ призраки невозмутимаго счастья.

Говорятъ: посмотрите какъ счастли- во, довольно дитя, одѣтое въ дорогія ткани. А кто знаетъ, быть можетъ, его то сердечко именно давно уже и из- страдалось среди людской неправды, среди несправедливыхъ укоровъ и упрековъ. Припомните дѣтей Достоев- скаго и особенно того мальчика, кото- раго когда-то взялъ себѣ на воспита- ніе богатъ-фабрикантъ, послѣ чего изстрадавшійся мальчикъ бросился въ рѣку и утонулъ...

Говорятъ: посмотрите, какъ весело и безпечно рѣзвятся дѣти... Но вѣдь „рѣзвость, въ сущности, только сви- дѣтельствуєтъ о потребности въ дви- женіи, свойственной молодому, не- надломленному организму“. Но вѣдь и внѣшнее довольство, и свойствен- ная дѣтямъ рѣзвость совершенно сво- бодно могутъ быть исключены изъ счета элементовъ, совокупность кото- рыхъ дѣлаєтъ завиднымъ дѣтскій удѣлъ и готовитъ дѣтей къ счастли- вому будущему... И намъ кажется, что извѣстный авторъ Пошехонской ста- рины въ общемъ былъ до нѣкоторой степени правъ, когда, принимая во вниманіе беззащитность дѣтскаго воз- раста, писалъ: „во имя правды я утвер- ждаю, что изъ всѣхъ жребіевъ, выпав-

¹⁾ См. у Салтыкова-Щедрина, Пошехонская старина, 4-е изд. гл. VI, Дѣти.

²⁾ Ibid.

¹⁾ См. нашу статью (№ 17) Прекрасное въ природѣ, какъ средство воспитанія.

шихъ на долю живыхъ существъ, нѣтъ жребія болѣе злосчастнаго, нежели тотъ, который достался на долю дѣтей. Дѣти ничего не знаютъ о качествахъ экспериментовъ, которые надъ ними совершаются — такова общая форма дѣтскаго существованія. Они не выработали ничего своего, что могло-бы дать отпоръ попыткамъ извратить ихъ природу. Колея, по которой имъ предстоитъ идти, проложена произвольно, и всего чаще представляетъ собой дѣло случая... *Дѣти представляютъ самую легкую добычу и для случайностей и для произвола, „которою овладѣваютъ вполне безнаказанно, въ полной увѣренности, что восковое дѣтское сердце всякую педагогическую затѣю приметъ безъ сопротивленія... Чуждые всякаго участія въ личномъ жизнестроительствѣ, они слѣпо слѣдуютъ указаніямъ случайной руки, и не знаютъ, что эта рука сдѣлаетъ съ ними. Поведеть-ли она ихъ къ торжеству или къ гибели; укрѣпить-ли ихъ настолько, чтобы они могли выдержать напоръ неизбѣжныхъ сомнѣній, или отдастъ ихъ въ жертву послѣднимъ? Даже, приобретая знанія нерѣдко путемъ мучительныхъ усилій, они не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, дѣйствительно-ли это знанія, а не безполезности... Дѣйствительное назначеніе дѣтей, какъ оно представляется— это играть роль animae vilis для производства всякаго рода воспитательныхъ опытовъ“.*

„Начните съ родителей. Папаша желаетъ, чтобы сынъ шелъ по гражданской части, мамаша—по военной... Папаша попрекаетъ сына офицеромъ: „ну ты у меня офицеръ“, а мамаша прикармливаетъ его конфетками и пирожками, приговаривая: „будешь офицеромъ? да?“

А между тѣмъ такого-то рода воспитаніе, не признающее никакой надоб-

ности вникать въ природу воспитываемаго и не встрѣчающее со стороны послѣдней ни малѣйшаго противодѣйствія, губить дѣтей. Дѣтская жизнь подтачивается въ самомъ корнѣ, подтачивается иногда безвозвратно и не-исправимо, потому что „на помощь подобнаго рода „системы“ воспитанія являются мастера своего дѣла“...

Въ соотвѣтствіе съ требованіями родителей—сдѣлать ученика или офицеромъ или, среди низшаго класса, грамотѣемъ ремесленникомъ, они ломаютъ природу ребенка и погружаютъ его душу въ мракъ...

„Спрашивается, что могутъ дѣти противопоставить этимъ попыткамъ искалѣчить ихъ жизнь? Увы! они безропотно принимаютъ удары, сыплющіеся на нихъ со всѣхъ сторонъ!... Нѣтъ у нихъ мѣрила ни для оцѣнки поступковъ, ни для различенія добра отъ зла. Сердца ихъ поражены преждевременною дряблостью, умы не согрѣты стремленіемъ къ добру и человѣчности; понятіе о правдѣ отсутствуетъ. Успѣхъ или неуспѣхъ въ уловленіи насущныхъ потребностей минуты — вотъ что становится предметомъ ихъ вожделѣній, вотъ что помогаетъ имъ изо дня въ день влачить безплодную жизнь“...

„Покорно слѣдуя указаніямъ дѣтской традиции, они все глубже и глубже погружаются въ извилины случайнаго общественнаго настроенія и становятся послушнымъ орудіемъ его жестокихъ велѣній. Возмужалые, они продолжаютъ оставаться дѣтьми, съ тѣмъ-же невѣдѣніемъ, съ тѣмъ-же отсутствіемъ силы сопротивленія, которое могло-бы помочь имъ разобраться въ путаницѣ преходящихъ явленій“.

Бѣдныя злополучныя дѣти! Вотъ что готовить имъ будущность, если они не научились съ раннихъ лѣтъ раз-

личать добро и зло, и вотъ тотъ удѣлъ, который общераспространенное мнѣніе называетъ счастливымъ... И во что-же должна, поэтому, послѣ подобныхъ экспериментовъ, обратиться ихъ дальнѣйшая жизнь, когда для нихъ минуетъ пора дѣтства?.. Вѣдь это будетъ борьба постоянно отступающихъ предъ непріателемъ бойцовъ, которые, скоро ли долго-ли, обратятся въ постыдное бѣгство... Вѣдь это будетъ рядъ ударовъ, постоянно наносимыхъ людскою неправдою и злобою, съ которыми нужно бороться на житейскомъ поприщѣ не мечтами и надеждами, но добродѣтелью, или тою внутреннею мощью, которая, во имя вѣры въ небесное, сильна побѣдить все низменное—земное...

Нѣтъ, благодарное сердце взрослого припомнитъ изъ счастливаго дѣтства, изъ далекаго прошлаго, несомнѣнно только ту руку, которая вела его къ торжеству надъ зломъ, а не къ гибели среди него...

И намъ думается, что наше время именно таково, когда особенно нужно путемъ наставленій выяснять неизбѣжность мірового зла, когда особенно слѣдуетъ готовить дѣтей ко всякимъ случайностямъ путемъ насажденія въ сердца сѣмянъ добра, потому что не житейскій успѣхъ, не извѣстное положеніе въ свѣтѣ побѣждаетъ невзгоды жизни, а доброе хрістіанское настроеніе—добрая нравственная личность.

И какъ отрадно, поэтому, слышать честный открытый призывъ тружениковъ школы, обращенный къ ихъ птенцамъ, призывъ къ вѣрѣ въ добро и правду, къ образованію доброй товарищеской среды, которая не разрывалась-бы и въ жизни... И слава Богу! такіе призывы не смолкаютъ въ устахъ тружениковъ школъ. И еще большее благодареніе Богу за то, что сами

школьники, по минованіи дѣтскаго возраста, оглядываясь на свое прошлое, идутъ со словомъ благодарности къ тѣмъ руководителямъ просвѣщенія, которые научили вѣрить ихъ въ торжество правды и хрістіански-братскаго единенія надъ людскою злобой и неправдою. И это слово благодарности важно для всякаго поборника просвѣщенія въ духѣ православія и народности и важно не потому только, чтобы онъ читалъ въ немъ чувства признательности, а въ особенности потому, что въ немъ выражаются запросы дѣтской души, обращенные къ ихъ руководителямъ, запросы еще неясные въ пору ранней юности и совершенно окрѣпшіе въ пору зрѣлаго возраста...

Для иллюстраціи нашей мысли приводимъ нѣсколько словъ благодарности учениковъ одной начальной школы скромному труженику своему учителю въ день двадцатипятилѣтія его педагогической дѣятельности ¹⁾. Вотъ что цѣнили они въ немъ, вотъ почему онъ дорогъ былъ имъ... „Дорогой нашъ учитель, говорили бывшіе ученики этой школы: еще будучи малыми неразумными дѣтками, мы пришли искать въ школѣ разума и просвѣщенія... Къ нашему счастью мы поступили въ такую школу, которая показала намъ привлекательной съ самыхъ первыхъ дней поступленія... Вы всегда имѣли въ виду, что предстоитъ большинству вашихъ питомцевъ, когда двери школы закроются за ними: что вы имъ сообщите, съ тѣмъ многіе останутся на всю жизнь... Разказы про добрыхъ свѣтлыхъ личности, объясненіе въ доступной дѣтскому уму формѣ, явленій

¹⁾ Мы говоримъ о старшемъ учителѣ начального, Петровско-Сущевскаго городского училища въ Москвѣ. См. Отчетъ за 1876—1901 г. Москва 1903 г.

Божьяго міра—вотъ что особенно оставляло ваше вниманіе... Часто вы оставляли дѣловой тонъ и попросту бесѣдовали съ нами о хорошемъ и полезномъ... Находясь въ настоящее время уже въ зрѣломъ возрастѣ, многое переживъ и переиспытавъ, мы знаемъ, что эти бесѣды съ нами были прекраснымъ средствомъ узнать нравы и склонности наши и роднили насъ съ вами... Вы заботились *не только объ умственномъ, но и нравственномъ нашемъ воспитаніи*. Воспитать сердце добрымъ, облагородить все направленіе ученика, пробудить и развить въ немъ любовь къ прекрасному—вотъ къ чему стремились вы... Преобладающее число вашихъ учениковъ, какъ извѣстно, дѣти писцовъ, нижнихъ чиновъ, мелкихъ служащихъ—дворниковъ, кухарокъ, сторожей или-же поголовно дѣти ремесленниковъ. Все это бѣдный людъ... Они ютятся гдѣ нибудь въ городскихъ глухихъ трущобахъ, занимая подвальные конуры или чердаки, куда рѣдко проникаетъ лучъ солнца, гдѣ комнатный воздухъ портится грязью и сыростью и разными зловоніями... Прибавьте ко всему этому вѣчную жалобу родителей на нужду, порой ропотъ, порой слезы, порой утѣшеніе въ рюмкѣ—и тогда ясно будетъ для всѣхъ, почему означенныя дѣти далеки отъ радостей жизни, свойственныхъ-бы ихъ дѣтскому возрасту. Въ противоположность крестьянскимъ дѣтямъ они не испытываютъ даже благотѣльнаго вліянія на себѣ природы и не имѣютъ возможности свести дружбу съ товариществомъ, словомъ это тѣ, которые у многихъ носятъ презрительное названіе „уличныхъ мальчишекъ“... Но вы пробудили въ насъ чувство жизнерадостности... Вы старались вселить въ насъ такія понятія, къ которымъ не въ состояніи была приготовить насъ

семья, обуреваемая вещественными нуждами. Вы, по мѣрѣ силъ, выполнили эту задачу, а выполнили потому, что *учили не словомъ только, но и дѣломъ*!.. Вы, напримѣръ, *учили насъ въроватъ въ добро и правду*, но дѣйствительная наша жизнь въ семьѣ служила какъ-бы отрицаніемъ добра; вы говорили намъ о добрыхъ людяхъ, а суровая наша доля вела насъ къ озлобленію, къ недовольству людьми, отнявшими у насъ радости жизни... Но мы вѣрили вамъ, и находили подтвержденіе вашей морали—прежде всего тогда, когда *вы создали добрую товарищескую среду*, затѣмъ тогда, когда *вы первый послужили образцомъ безпристрастности къ каждому изъ насъ*. Примушества въ любви или исключительнаго вниманія вы никому не оказывали, кромѣ такихъ лицъ, которыя по своему положенію нуждались въ особой отъ васъ помощи... *Заложить въ чуткой восприимчивой душѣ ребенка стѣмена добра, или въру въ добро и правду, заложить словомъ, но болѣе дѣломъ—вотъ задача школы*, къ разрѣшенію которой вы всѣмъ сердцемъ стремились... Такъ какъ періодъ школьной жизни дѣтской есть, собственно говоря, періодъ впечатлительности и подражательности, то всѣ наиболѣе выдающіяся явленія въ этотъ періодъ ассимилируются ребенкомъ глубоко и никогда не забудутся, забудутся развѣ, и даже скоро, отрывки научныхъ знаній, *но доброе вліяніе*, участіе въ устроеніи нашей судьбы—это никогда не забудется и это именно есть то, что мы называемъ свѣтлыми воспоминаніями изъ школьной жизни... И когда, по выходѣ изъ школы, у многихъ изъ насъ явилось желаніе поддерживать съ вами общеніе—вы гостепріимно отворяли намъ свои двери. И вотъ это общеніе скрѣпило нашу дружбу на почвѣ об-

шихъ нравственныхъ интересовъ. Въ минуты какихъ-нибудь тяжелыхъ житейскихъ испытаній намъ особенно пріятно было слышать отъ васъ утѣшеніе, вродѣ слѣдующаго: „*чтобы убѣдиться въ существованіи въ мірѣ добра, надо постараться сначала самому сдѣлаться добрымъ и проложить путь къ нему чрезъ смиреніе*“. Затѣмъ слѣдовало поясненіе этому афоризму: „*помните, что вы вышли изъ бѣдной среды, и помогайте бѣднымъ, помогайте вещественно и духовно встѣмъ, чѣмъ можете помочь, будьте достойными гражданами своего отечества, стражами Царю, вѣрными сынами Церкви*“... Подобное напоминаніе мы слышали и недавно, когда мы бесѣдовали съ вами на тему о злобахъ дня и о современномъ увлеченіи общественной мысли. Вы вѣрили въ добро, въ правду и любовь и служили имъ своею дѣятельностію“...

Стоитъ вдуматься въ эти слова благодарности учениковъ своему учителю. Они благодарили его за *пробужденіе чувства жизнерадостности*, когда дѣйствительная жизнь какъ-бы отрицала добро, за то, что онъ, не закрывая ихъ глазъ предъ будущею гнѣтущею дѣйствительностію, выдвигалъ, въ то-же время, предъ ихъ сознаніемъ образцы людей добродѣтельныхъ, побѣждающихъ злобу, за то, что онъ *облагораживалъ все направленіе ученика*,

привыкшаго видѣть дома порой нищету, порой слезы, порой—утѣшеніе въ рюмкѣ... за то, что онъ, заложивъ въ душу вѣру въ правду, возгрѣвалъ эту вѣру и по выходѣ ученика изъ стѣнъ школы ¹⁾... Потекуть, несомнѣнно потекутъ ученики со словами благодарности и ко всякому своему руководителю, который, не закрывая предъ ихъ глазами предстоящихъ житейскихъ невзгодъ, научить препобѣждать ихъ эти невзгоды силою добра. Пусть поэтому учитель не обольщается ихъ дѣтскою рѣзвостію и беззаботностію, пусть поскорѣе счастье невѣдѣнія онъ замѣнитъ счастьемъ душевнаго мира добродѣтельнаго человѣка. Пусть не ставитъ ихъ на распутьяхъ міра, среди житейскихъ тревогъ, безоружными... И хотѣлось-бы вѣрить, что тѣ характерныя черты честной дѣятельности, которыя цѣнитъ въ своихъ наставникахъ благодарное чувство питомцевъ, станутъ отличительными особенностями всѣхъ ревнителей просвѣщенія въ духѣ православной вѣры, потому что на нихъ лежитъ великая задача не только доразвивать, — но иногда и возсоздавать изъ ничтожества нравственную личность ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей.

Димитрій Введенскій.

А Ю Б О В Ъ З И А Ю Б О В Ъ.

(Изъ дневника нашего сотрудника).

Раннее тихое утро. Морозитъ. Еще не скрылись ясно-золотистыя звѣздочки, а востокъ уже поалѣлъ. Мы съ о. редакторомъ „Божіей Нивы“ быстро пробираемся по лѣсной дорогѣ. то круто спускающейся внизъ и вью-

щейся межъ высокихъ, развѣсистыхъ елей и сосенъ, то поднимающейся вверхъ на попутные огорки. Наши ло-

¹⁾ За это въ особенности когда-то цѣнили С. А. Рачинскаго его ученики.

шадки вздрагиваютъ, фыркаютъ и, подбадриваемые сильнымъ зимнимъ морозцемъ, быстро пробѣгаютъ шестиверстное разстояніе, раздѣляющее Хотьковъ отъ А-ѣ—мѣста и цѣли нашей поѣздки. Бодритъ морозъ и насъ, и мы, немного прозябшіе, вступаемъ въ небольшой домикъ сельскаго батюшки, чтобы потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ школу, въ которой давно уже собирались побывать.

Въ домѣ священника еще утренній полумракъ. Тамъ, въ небольшой комнаткѣ, привѣтливо шумитъ самоваръ и слышенъ запахъ самоварнаго дыма. Въ комнатахъ тепло и уютно. Изъ темнаго уголка выходитъ батюшка о. Василий.

— А я все еще не оправился—встрѣчаетъ насъ радушно хозяинъ. Батюшка былъ обвязанъ шарфомъ. Лицо его нѣсколько усталое. Но бодрые, ясные глаза говорили, что въ этомъ изстрадавшемся тѣлѣ обитаетъ бодрый духъ...

Я въ первый разъ видѣлъ о. Василия и поинтересовался узнать, въ чемъ его недугъ.

Оказалось, что 4 мѣсяца тому назадъ онъ былъ на часъ отъ смерти. У него было зараженіе крови. Врачъ мѣстный не сумѣлъ опредѣлить его недуга, а между тѣмъ у него начались уже воспалительные процессы. Образовалось нѣсколько ранъ за ухомъ и въ двухъ мѣстахъ на ногѣ. Явился новый специалистъ—врачъ и заявилъ батюшкѣ, что ему недолго осталось жить... „Впрочемъ, добавилъ хирургъ, выписанный добрыми помѣщиками М. изъ Москвы, больной будетъ, можетъ быть, живъ, если его успѣютъ довести до Москвы“...

Можно представить себѣ душевное настроеніе больного семьянина-батюшки, который видѣлъ уже, какъ безпомощно опускаются его рабочія руки

и какъ тамъ, за нимъ, ждали хлѣба шесть членовъ сиротѣвшей семьи...

— Но вотъ здѣсь-то въ эту-то тяжелую минуту жизни я и видѣлъ великое утѣшеніе — проговорилъ нѣсколько разстроенный батюшка... Ясные глаза его заволокли набѣжавшія слезы...

Мы переглянулись съ о. редакторомъ, какъ-бы спрашивая другъ друга, въ чемъ-же дѣло?

— Школьники утѣшили, школьники... Я лежу прикованный къ болѣзненному одру и мысленно уже собираюсь въ вѣчность... Московскій хирургъ не переставалъ утѣшать меня тѣмъ, что я могу остаться живъ, если доѣду до Москвы для операціи... Но и въ его словахъ было, казалось мнѣ, мало увѣренности... Я примирился уже съ мыслию о смерти и въ преддверіи вѣчности жалѣлъ только свою сиротѣвшую семью... Мои дѣти плакали... Я ихъ утѣшалъ, какъ могъ... А самъ въ то же время чувствовалъ уже, какъ туманилась голова моя и какъ по тѣлу распространялся сильный жаръ... Еще глубже вдумался я въ смыслъ переживаемого момента и чувствовалъ, что во мнѣ угасала вѣра въ жизнь, что надо мной уже виталъ ангелъ смерти... Я думалъ только о хрістіанской кончинѣ.

Было ясное лѣтнее утро. Цвѣтущая природа звучала какимъ-то диссонансомъ съ моей болѣзнію. Не станетъ скоро меня, а природа попрежнему будетъ цвѣсти—носилося у меня въ головѣ... Вдали виднѣлся бѣлый сельскій храмъ. Въ сторонѣ стояла опустѣвшая на лѣтнее время школа... И въ гнѣздышко моихъ дѣтишекъ не загляну я... Грустно было мнѣ... Но вотъ въ тишину сельскаго утра упалъ протяжный ударъ колокола... Понеслись, понеслись эти звуки по окрестнымъ по-

лямъ и долинамъ, проникли они и въ мою наболѣвшую душу, и мнѣ стало какъ-то легче... Это молятся... молятся за меня... Дѣйствительно, литургія совершалась о моемъ здоровьи. Но вотъ кончилась она и служившій священникъ благоговѣнно принесъ мнѣ Тѣло и Кровь Господа нашего... Я приобщился... Вдругъ послѣ этого я слышу, что тамъ пришла ко мнѣ и вся школа со своимъ дѣтскимъ страданіемъ, съ своею дѣтскою вѣрою... Не помню, что говорилось при ихъ появленіи... Между многими подробностями меня утѣшала только одна—это то, что и дѣти, какъ оказалось, молились въ храмѣ, когда тамъ совершалась безкровная жертва о моемъ здоровьи, что они *для меня* только въ лѣтнее время собрались изъ разныхъ поселковъ, что они даже намѣревались было совершить молитвенное паломничество въ сосѣдній монастырь и только, наслышавшись о томъ, что въ ихъ храмѣ молятся за ихъ батюшку, какъ одинъ, явились сюда... Я не могу передать, что совершалось тогда въ моей душѣ, какой подъемъ духа загорѣлся въ моихъ слабѣвшихъ силахъ... Помню только одно, что послѣ сообщенія о появленіи школьничковъ я какъ-то осязательно чувствовалъ, что ихъ дѣтская вѣра какъ будто отыскала тамъ гдѣ-то, въ глубочайшихъ тайникахъ моего духа, живую вѣру въ свою жизнь и во всесильную помощь Божію, слилась съ этою моею тайною вѣрою и заставила меня скорѣе воспользоваться совѣтами хирурга и быстрѣе ѣхать въ Москву... Меня охватило какое-то особое чувство умиленія... Минуты этого дѣтскаго утѣшенія, минуты изъясненія ихъ горячей любви я и доселѣ считаю лучшими спасительными минутами въ своей жизни, минутами зарожденія твердой увѣренно-

сти въ милосердіе Божіе... А для вѣрующаго, по слову Писанія, все возможно...

Къ вечеру этого дня я былъ уже въ Москвѣ. Мнѣ произвели въ 3-хъ мѣстахъ нагноенія и зараженія крови сложныя операціи и я милосердіемъ Бога, да любовью своей школы—живѣ

И послѣ любящія сердца учениковъ нашли меня. Уже въ лѣчебницѣ, въ Москвѣ, я получалъ отъ учениковъ и ученицъ письма, гдѣ они подѣтски выражали мнѣ свое соболѣзнованіе и желали мнѣ скорѣйшаго возвращенія домой. На бумагу и марку устраивали складчину.

Такъ закончилъ батюшка свое сообщеніе о тяжеломъ недугѣ и о великомъ утѣшеніи...

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ бѣсѣды въ домѣ о. Василія мы были въ школѣ. Началась молитва предъ ученіемъ. Дѣти часто опускались на колѣни: молились за Царя, за православную Русь, за своихъ родителей и духовныхъ руководителей...

Мысль наша невольно переносилась въ другія школы... Намъ живо представились дѣтскія головки, склоненныя предъ святыми иконами по всему лицу земли Русской въ этотъ утренній, предучебный часъ, а надъ ними благословляющій и наставляющій пастырь, зажигающій въ нихъ огонекъ святой любви и святой вѣры. И какъ хорошо было отъ этихъ думъ... Молился, между тѣмъ, съ умиленіемъ и сопутствовавшій намъ о. Василій... Молился и послѣ долго назидаль юное поколѣніе о. редакторъ „Божіей Нивы“. Упомянулъ онъ въ заключеніе и о добромъ поступкѣ дѣтей, которые въ тяжелую минуту испытанія Божія, посланнаго рукою промысла ихъ дорогому наставнику-батюшкѣ, слились и объединились въ одной общей молитвѣ за него... Дѣти опустили свои головки,

а батюшка отошелъ въ сторону и крупные слезы, одна за другой, покатались по его благодарнымъ глазамъ...

Нужно-ли говорить о важности духовнаго сродства, о томъ, что это случайное пребываніе въ школѣ освѣтило стороннему наблюдателю одну изъ тѣхъ знаменательныхъ минутъ, вскрывающихъ всю святость и чистоту духовнаго единенія честныхъ руководителей школы, любящихъ свое дѣло и дѣтей, которыя, въ свою очередь, умѣютъ въ трудную минуту жизни платить чистою любовью за любовь...

Черезъ полтора часа мы снова возвратились въ Хотьково. Зашли и въ Хотьковскую монастырскую школу. И

здѣсь толпа дѣтей, и здѣсь молитва, и здѣсь зрѣть и крѣпнеть дѣтская вѣра... И дай-же Богъ, чтобы наша школа воспитывала духъ хрістіанской любви и религіознаго единомыслія... Въдѣ въ этомъ единомысліи, въ этомъ духовномъ молитвенномъ единеніи вся сила и мощь святой Православной Руси, которая всегда была сильна единеніемъ архипастырей и пастырей съ своею паствою... Пусть-же плодомъ всякаго школьнаго воспитанія будетъ святая вѣра и хрістіанская любовь. А такіе плоды, разумѣется, и можетъ родить только любовь...

Д. Введенскій.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Въ одномъ захолустномъ уголкѣ нашего отечества, въ сторонѣ отъ села, на горкѣ, гдѣ лѣтъ десять назадъ выли, въ осеннюю непогоду, одни лишь волки, стоитъ большое школьное зданіе. Это—Церковно-Учительская Русско-Качимская школа, новый, только что начинающій жить, типъ церковной школы. Въ этой школѣ, съ программой, немного уступающей программѣ средней школы, учатся почти исключительно крестьянскія дѣти. Здѣсь они вооружаются знаніями и хрістіанскою нравственностью, тѣмъ свѣтомъ, который они понесутъ въ родную имъ крестьянскую темную среду. Прекрасное дѣло — отдать свои силы такой симпатичной школѣ! Да, прекрасное, но и трудное дѣло. Работать кое-какъ, исполнять наименьшія требованія—легко, но работать не только за страхъ, но и за совѣсть, отдать всего себя дѣтямъ и юношамъ съ зачатками всѣхъ добродѣтелей и поро-

ковъ, съ безконечнымъ разнообразіемъ души человѣческой—это подвигъ. И будетъ онъ многимъ не по силамъ, если не окрыляетъ ихъ любовь къ дѣлу, призваніе къ учительству.

Въ Русско-Качимской школѣ прошла жизнь одного изъ скончавшихся недавно дѣятелей школьной Божьей нивы, одного изъ учителей по призванію, завѣдующаго школою священника Алексѣя Петровича Мироносицкаго.

Его личность дорога не для насъ однихъ, знавшихъ его. Она должна быть дорога всякому, кто узнаетъ ее хотя бы на страницахъ журнала, дорога, ибо поучительна.

Почительна, во первыхъ потому, что рѣшаетъ, по нашему разумѣнію, вопросъ, какъ прожить на свѣтѣ по возможности счастливо.

Окончивъ 13 лѣтъ назадъ курсъ въ Пензенской Духовной Семинаріи, А. П. занялся учительствомъ въ откры-

той съ 1888-го года въ приходѣ одно-классной школь.

Въ то время церковная школа только еще нарождалась, типы ея еще не выяснились, и А. П—чу пришлось заняться интереснымъ дѣломъ созданія въ селѣ школы на новыхъ началахъ, школы церковной, съ общежитіемъ для иносельныхъ ¹⁾. Въ теченіи 13—14 лѣтъ Качимская школа прошла послѣдовательно всю лѣстницу типовъ церковной школы, и съ Апрѣля 1902 года преобразована въ Церковно-учительскую. Съ Сентября 1890 года, т. е. почти съ самаго начала существованія школы до своей смерти, т. е. до 12 Апрѣля 1903 г. въ ней трудился А. П—чъ.

Жизнь А. П—ча слилась съ жизнью его школы. Онъ не промѣнялъ бы своего учительскаго дѣла ни на какое другое. Никакая другая должность, какъ бы ни была она блестяща, не могла быть для него выше, достойнѣе его скромной должности учителя.

А развѣ это не счастье—быть довольнымъ своимъ дѣломъ? Не тянетъ ли большинство людей постылую лямку, трудясь надъ дѣломъ, не интересующимъ ихъ, занимая свою должность лишь ради хлѣба насущнаго? Мало ли наемниковъ и много ли пастырей добрыхъ? Вѣдь извѣстно, что подавляющее большинство людей недовольно своимъ дѣломъ.

Работники по призванію очень рѣдки. И для нихъ, нужно сказать, каждый день—праздникъ. И дѣйствительно, радостный трудъ—это вѣчный праздникъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ропоту, недовольству.

Съ какою любовью говорилъ о своей

¹⁾ Исторія Русско-Качимской школы разсказана на страницахъ „Народнаго образованія“. Тамъ же помѣщался „Дневникъ учителя Церковно-приходской школы“.

школь, о своемъ дѣлѣ А. П—чъ! Какъ онъ былъ всегда оживленъ, какъ интересовался всѣмъ, что касалось школы!

И какъ опредѣленно, какъ ясна была жизнь А. П—ча! Все впередъ и впередъ, къ одной и той же цѣли, улучшать, совершенствовать свою школу, поставить ее на возможную высоту... Онъ жалѣлъ, считалъ несчастными тѣхъ людей, которые не интересуются своимъ дѣломъ.

Мы слышали, какъ А. П—чъ благодарилъ Бога за то, что Онъ указалъ ему именно этотъ жизненный путь, даровалъ ему трудъ радостный.

Поучительна личность А. П—ча и для всякаго учителя.

Онъ былъ прекрасный учитель.

Въ основу учительской своей дѣятельности онъ положилъ: живость преподаванія, наглядность—въ обученіи и возможно тѣсное сближеніе съ учениками—въ воспитаніи. Какъ интересовались его ученики (когда, на примѣръ, школа была второкласной) Геометріей, Географіей и письменными работами! Онъ не признавалъ исключительно теоретическаго курса тамъ, гдѣ его можно соединить съ практическимъ. Геометрію онъ сливалъ съ черченіемъ и землемѣріемъ. Для уроковъ Географіи онъ завелъ коллекціи продуктовъ фабричнаго производства ¹⁾. Для письменныхъ работъ онъ давалъ житейскія темы и приучалъ писать въ формѣ разсказовъ.

За работы по черченію Р.-Качимская Второкласная школа получила на Всероссийской Нижегородской выставкѣ дипломъ 2-го разряда. И въ послѣднее время А. П. проектировалъ устройство большого школьнаго музея.

Но не ограничивался А. П. только прекраснымъ прохожденіемъ обяза-

¹⁾ Тамъ же стр. 137-я.

тельной программы. Это наскучивает. Для оживленія школьной жизни онъ устраивалъ диспуты, которые велись учениками по поводу ученических же сочиненій, прогулки въ лѣсъ, богомолья въ ближайшій монастырь и т.п.

Самъ А. П. зналъ и умѣлъ, кажется, все, что потребно для нуждъ деревенскаго школьнаго дѣятеля. Онъ могъ написать икону, былъ хорошимъ фельдшеромъ, недурнымъ фотографомъ; онъ устроилъ пчельникъ и въ немъ прудокъ, въ которомъ разводилъ рыбу, завелъ садикъ, имѣлъ метеорологическую станцію; своими руками устроилъ часовенку надъ источникомъ, будучи порядочнымъ столяромъ; зналъ малярное дѣло, переплеталъ и проч. и проч. И все самъ, и все трудами рукъ своихъ. Какъ то разъ вычистилъ съ своими учениками школьныя трубы. Въ деревнѣ—какіе мастера! А. П. въ своей школѣ могъ всякую вещь починить, устроить. И ужъ не было у него ободраныхъ стѣнъ, изтрескавшихся печей, разбитаго стекла, коптящихъ лампъ, истрепанныхъ книгъ. А главное—все своими руками. И вѣчно онъ былъ занятъ, десятки дѣлъ передѣлывая за день.

Гдѣ же ему было скучать? Имѣли онъ даже понятие о скукѣ? Безпрестанный, неистощимый, разнообразнѣйшій трудъ, умственный и физическій, — развѣ это не есть источникъ постоянного довольства, развѣ это не обязательное условіе счастья? Строить сказать нѣсколько словъ о его занятіяхъ медициной. А. П. пользовалъ въ годъ до 1500 больныхъ. Для большой школы, въ 12 верстахъ отъ фельдшерскаго пункта, это услуга неоцѣненна.

Энергичные, безусловно полезные труды сопровождались заслуженной удачей. А удача въ дѣлахъ — развѣ это не дѣлаетъ довольства пол-

нымъ? Школа росла на глазахъ А. П.—ча, самъ онъ приобрѣталъ все большую опытность. Наконецъ, онъ становится во главѣ новой, еще не сформировавшейся, требующей творческой работы, школы, все той же своей школы, преобразованной въ Церковно-Учительскую. А. П. рукоположился во священники. Съ какою радостью мечталъ онъ о новомъ каменномъ зданіи школы, гдѣ у него будетъ своя церковка, которую онъ украсить зеленью, цвѣтами! Жить бы, да жить—другимъ на пользу, себѣ на радость.

Но видно храброму бойцу первая пуля! Въ переднихъ рядахъ смерть свирѣпствуетъ съ большей силой, чѣмъ въ заднихъ... А. П. хвалился своимъ здоровьемъ, онъ никогда не болѣлъ серьезно, болѣзнь ни на одинъ день не приковывала его къ постели. И дѣйствительно, онъ обладалъ крѣпкимъ организмомъ. Но работать съ увлеченіемъ, при впечатлительныхъ нервахъ, при отзывчивомъ сердцѣ,—нельзя безнаказанно. Онъ слишкомъ близко принималъ къ сердцу все, что касалось его школы. А бывали и огорченія. Такъ, его глубоко потрясали дурные иногда отзывы объ учителяхъ, его бывшихъ воспитанникахъ, за которыми онъ слѣдилъ и по выходѣ ихъ изъ школы, ведя съ ними переписку. Не мало повредило его нервамъ соединеніе съ „нервной“ обязанностью учителя другой, не менѣе „нервной“, обязанности врача.

Усиленная нервная дѣятельность расшатала его нервную систему. Онъ умеръ (12-го Апрѣля 1903 г.) отъ кровоизліянія въ мозгъ, связаннаго съ развившимся мало-по-малу порокомъ сердца.

Въ заключеніе приведемъ коротенькую рѣчь, сказанную нами надъ гробомъ почившаго.

„Какъ скоро, какъ неожиданно пришла твоя смерть, пришелъ послѣдній часъ прощанія съ тобою!

„Осиротѣла школа. Осиротѣли мы, любящіе тебя. Невыразимая жалость къ тебѣ за преждевременно порвавшуюся жизнь терзаетъ насъ. Не взглянуть ты въ глаза своей смерти, не мучился ты предсмертною тоской, потому что ты вдругъ лишился сознанія, и смерть застигла тебя уже лишеннаго сознанія. Такъ лучше для тебя: меньше мученія. Но насъ угнетаетъ мысль, что не простился ты съ нами, не передалъ своихъ послѣднихъ желаній, не возложилъ на насъ пріятнаго, хотя и печальнаго долга: исполнить твою послѣднюю волю. Не сказалъ ты послѣдняго „прости“ ни убитой горемъ родной семьѣ, ни другой твоей семьѣ—школьной.

„Какъ прошла твоя жизнь? „Учитель“—въ этомъ словѣ ты весь. Ты и твоя школа—это было одно: ты не могъ дышать безъ твоей школы, а она въ твоёмъ лицѣ лишилась своей души. Не было для тебя ничего на свѣтѣ дороже твоей „Качимской Горки“, твоей школы, для которой ты потрудился больше всѣхъ другихъ.

„Ты слишкомъ близко принималъ къ сердцу все, что касалось твоей школы. Тысячи мелкихъ огорченій волновали тебя, а серьезные непріятности больно ударяли въ твое сердце. И радостныя минуты, которыхъ не мало дала тебѣ школа, не проходили безслѣдно для твоей впечатлительной души. Сильная впечатлительность, отзывчивость были причиной того, что сердце твое подалось. „Сердце пошаливаетъ“, говорилъ ты иногда.

„Но вотъ ты заболѣлъ, организмъ ослабѣлъ,—и отозвались всѣ прежнія волненія. А ты не бросилъ своей по-

ши. Ты и во время послѣдней болѣзни работалъ: ты изнемогалъ, а училъ. Ноша становилась все непосильнѣе для твоихъ ослабѣвающихъ плечъ, и свалила она тебя на половинѣ дороги. И вотъ лежитъ предъ нами твое бездыханное тѣло, еще способное къ долгой жизни, еще не изможденное ни годами, ни болѣзною, но съ сердцемъ, отказавшимся работать, съ нервами, порвавшимися отъ непомѣрнаго напряженія. И спокойно лежатъ на груди твои многотрудныя руки, оборвался длинный рядъ мыслей все о той же школѣ, а тамъ, дома, напрасно ждетъ тебя твой рабочій столъ, ждетъ такъ недавно раскрытая тобою книга, напрасно ждетъ тебя твоя „Горка“, гдѣ каждый шагъ напоминаетъ о твоихъ трудахъ, напрасно ждетъ тебя школа, гдѣ каждый уголокъ полонъ тобою. Ты ушелъ отъ насъ въ такое время, когда тебѣ особенно хотѣлось жить, когда дѣло твое выросло, когда ты былъ особенно нуженъ школѣ...

„Невыразимая жалость къ тебѣ за преждевременно порвавшуюся жизнь терзаетъ насъ. Къ чему слово, къ чему похвалы, когда ты не слышишь, когда тебя нѣтъ съ нами! Пусть же будетъ о тебѣ вѣчная память и вѣчная благодарность къ тебѣ въ твоей школѣ, для которой ты потрудился больше всѣхъ другихъ.

„Отъ лица всѣхъ, кого ты любилъ, для кого ты трудился, приношу тебѣ земной поклонъ, какъ выраженіе любви и благодарности“.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не поучительна жизнь почившаго А. П—ча? И развѣ не рѣшилъ онъ своею жизнью вопросъ о томъ, какъ достичь возможнаго на землѣ счастья?...

Учитель свящ. Н. В.

ВЪ ЛѢСУ.

(Изъ досуговъ о. Наблюдателя).

Солнце спускается съ неба прекраснаго,
 Тихимъ сянѣмъ горять небеса,
 Вечера мирнаго, вечера яснаго
 Жаждутъ въ молчаньи и нѣгѣ лѣса.

* * *

Солнечнымъ свѣтомъ насквозь озаренные,
 Не шелохнутся листочки березъ,
 Словно волшебникомъ-сномъ унесенные
 Въ область чарующихъ радостныхъ грезъ.

* * *

Въ зелени листьевъ стволы бѣловатыя
 Высятся стройно, какъ свѣчи,—а тамъ
 Тихо задумались сосны мохнатыя,
 Темныя шапки поднявъ къ небесамъ.

* * *

Возлѣ корней ихъ затихла шумливая
 Заросль молоденькихъ мелкихъ кустовъ,
 Какъ затихаетъ порой шаловливая
 Бойкая юность у ногъ стариковъ.

* * *

Только, подобно куренью кадильному,
 Тихо струится въ лѣсу аромать—
 Чистая жертва природы Всесильному
 Богу, пославшему ясный закатъ;

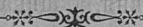
* * *

Да раздастся негромкое пѣніе
 Птичекъ пугливыхъ... И чудится мнѣ:
 Каждая травка, цвѣтокъ и растение
 Господа славятъ теперь въ тишинѣ.

* * *

Сердцемъ я слышу ихъ голосъ таинственный...
 О, какъ легко на душѣ у меня!
 Въ мигъ этотъ дивный, святой и единственный
 Бога присутствіе чую здѣсь я.

Свѣтл. А. Державинъ.

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.

XIX.

Здоровье—какъ предметъ воспитанія.—Крайности, какія могутъ быть здѣсь.—Городъ и деревня.—Невѣжество и другіе враги здоровья деревни.—Учитель, какъ призванный бороться съ ними.—Что онъ можетъ сдѣлать въ данномъ случаѣ.—Желательная помощь курсовъ.—Примѣръ этой помощи.—Примѣры доброй дѣятельности школы и учителя въ дѣлѣ борьбы съ врагами народнаго здоровья.

При организаціи учительскихъ курсовъ въ послѣднее время все чаще и больше замѣчается повсемѣстно стремленіе ввести въ составъ курсовыхъ программъ бесѣды въ области гигіены, медицины и анатоміи. Эта особенность курсовъ для сельскихъ учителей вызвана не просто заботою удовлетворить стремленіямъ молодыхъ людей къ самообразованію и болѣе просвѣщенному ознакомленію съ духовно-тѣлесною природою человѣка и отношенію къ ней, но—вмѣстѣ—отвѣчаетъ и насущной потребности нашей деревни, обыкновенно предъявляющей къ учителю значительно большія требованія, нежели только какъ къ обучителю грамоты.

Давно сказано: „въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа“. Давно указывается и на то, что нигдѣ заботы о тѣлесномъ здоровьи учащихся не доходятъ до такого поразительнаго пренебреженія, какъ въ Россіи. Каждая *спартанской закаленности* здоровья у насъ большею частію принимаетъ форму или неразумно-упрямаго и небрежно-неосторожнаго шага на вѣрную смерть, или болѣзненно-жалкаго трепетанія предъ всякимъ пустякомъ, яко бы вреднымъ для здоровья, при необращеніи вниманія на болѣе важныя стороны дѣла. Если послѣднее наблюдается болѣе въ городахъ, составляющихъ для школы унитанныхъ, но всегда столь хрупкихъ и для суровыхъ условій настоящей жизни совершенно негодныхъ *маменькиныхъ сынковъ*, то деревня, наоборотъ, обыкновенно поражаетъ чрез-

вычайною выносливостію и жизнеспособностію своихъ жителей, за то воспитываемыхъ именно рискованною борьбою съ невозможно-суровыми условіями жизни, при множествѣ жертвъ и неудачъ, коихъ русскій человѣкъ не умѣетъ—хотя бы и могъ избѣгать, ничуть не поступаясь спартанскимъ строемъ своего воспитанія, и лишь сообщая ему большую разумность и осторожность, при недостаткѣ которыхъ суровыя условія жизни уже *не закаляютъ*, а *сжигаютъ*, изводятъ и губятъ нашего дивнаго русскаго богатыря.

Обязанность учителя придти съ соотвѣствующею помощію родной деревнѣ въ дѣлѣ ея оздоровленія и ознакомленія съ разумными началами воспитанія *всего* человѣка съ душою и тѣломъ—оправдывается, кромѣ значенія здоровья въ дѣлѣ *воспитанія* вообще (этомъ главномъ дѣлѣ, лежащемъ на совѣсти учителя)—также тѣмъ, что въ деревнѣ такъ мало другихъ, болѣе подходящихъ для этого, людей. Онъ—частью единственно-просвѣщенный человѣкъ цѣлаго округа деревень. Съ другой стороны, эта обязанность лежитъ на немъ и потому, что большинство несчастій и ошибокъ противъ здоровья деревенскаго жителя слѣдуетъ приписать поразительному *невѣжеству*, разсѣять которое кто же и призванъ какъ не учитель? Удивительное легковѣріе ко всякаго рода деревенскимъ шарлатанамъ, колдунамъ и колдуньямъ, знахарямъ и знахаркамъ, заговаривальщикамъ и т. п.—что это все, какъ не враги прямого призванія учителя, который

естественно теряет рядомъ съ такими уродливыми завсегдатаями деревни всякое свое значеніе и авторитетъ? Конечно, говоря о возможности для учителя послужить дѣлу оздоровленія деревни и улучшенію ея внѣшней жизни, мы вовсе не призываемъ всѣхъ учителей быть фельдшерами и врачами, не возлагаемъ на ихъ и безъ того обремененныя плечи новаго тяжкаго и неудобноносимаго бремени. Мы рѣшаемся совѣтовать ему лишь сдѣлать никакъ не болѣе того, что онъ *можетъ* сдѣлать. Ведя беспощадную борьбу съ невѣжествомъ деревни, пронизывая и согрѣвая мракъ ея свѣтомъ просвѣщенія и Христова Евангелія, пусть онъ будетъ способенъ напомнить обязанности каждаго въ отношеніи къ своему здоровью, внушить уваженіе къ личности каждаго, ознакомить хотя самымъ элементарнымъ образомъ съ секретомъ строенія человѣческаго организма, съ причинами и видами его заболѣваній и такую или иною разумною и основательною возможностью ихъ устраненія и своевременнаго предупрежденія. Пусть у него въ школѣ всегда будетъ маленькая аптечка съ самыми необходимыми даже и народными медицинскими средствами. Пусть будетъ „хина“, нѣсколькими гранами которой предупреждаются серьезные и смертельныя заболѣванія. Пусть будетъ *пластырь* для порѣзовъ и *мазь* отъ ушибовъ, коими часто предупреждается необходимость отнятія цѣлыхъ членовъ здороваго тѣла. Пусть у него, наконецъ, горитъ хотя одно желаніе помочь добрымъ совѣтомъ и наставленіемъ, какъ и куда слѣдуетъ обратиться, чего и почему не слѣдуетъ дѣлать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Кто знаетъ, какъ лечится безпомощная деревня своими нелѣпыми средствами, не разъ, конечно, приходилъ въ содроганіе и возмущеніе отъ крайняго противорѣчія этихъ средствъ и ихъ цѣли. Кто знаетъ, какія дикія объясненія составляетъ и принимаетъ крестьянинъ для раз-

личныхъ заболѣваній, не разъ ужасался, конечно, крайней слѣпотѣ и невѣжеству нашихъ крестьянъ. Естественно, нельзя думать, чтобы все это было *внѣ* прямыхъ заботъ и обязанностей учителя уже потому, что это наполовину обезцѣнивало бы его труды по развитію и просвѣщенію своихъ питомцевъ—дѣтей школы, вынужденныхъ вращаться въ столь невѣжественной средѣ и ничѣмъ не гарантированныхъ отъ опасности платиться всѣми пагубными послѣдствіями этого невѣжества и полной безпомощности деревни въ затруднительныхъ случаяхъ. Особенно дорога была бы помощь учителя деревенской затруднительности и безпомощности въ страдное лѣтнее время. Занозилъ крестьянинъ руку гдѣ нибудь на сѣнокося, порѣзалъ ногу, ушибъ ту или другую часть тѣла и т. п.:—куда ему обратиться? Врачебный центръ далеко, а время дорого; рана не смотря на свою ничтожность и работѣ мѣшаетъ, и угрожаетъ всевозможными осложненіями, особенно при вмѣшательствѣ неизбежныхъ колдуновъ и знахарокъ, а между тѣмъ—ничтожное приложеніе медицины, въ самыхъ ея элементарныхъ пріемахъ,—и дорогое время сбережено, и здоровье безъ труда восстановлено... Еще примѣръ: сколько гибнетъ народа благодаря тому лишь, что въ деревнѣ не находится человѣка, умѣющаго подать разумную своевременную помощь въ несчастныхъ случаяхъ! Затонулъ человѣкъ—его *качаютъ*, т. е. навѣрняка ускоряютъ его смерть. Я былъ однажды свидѣтелемъ, какъ одного такого несчастнаго, укачаннаго до того, что онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, врачъ привелъ въ чувство лишь тѣмъ, что велѣлъ положить его на полъ, и наклонилъ голову обмершаго ниже прочихъ частей тѣла. Въ тотъ же моментъ изо рта утопленника хлынули ручьи воды, безцѣльно болтавшейся въ немъ отъ качанія, и онъ тотчасъ же открылъ глаза и пришелъ въ чувство. И подобныхъ случаевъ можно

представить множество. И во всѣхъ ихъ учитель могъ бы, ничуть не отягощая себя чрезъ мѣру, быть спасителемъ множества несчастныхъ, погибающихъ лишь отъ того, что деревня положительно не знаетъ, что дѣлать съ ними.

Послѣ всего сказаннаго, мысль объ особыхъ бесѣдахъ для учителей на курсахъ изъ области гигиѣны, медицины и анатоміи человѣка—нельзя не признать совершенно умѣстной и весьма желательною, тѣмъ болѣе, что въ интересѣ къ этого рода знаніямъ несомнѣнно не можетъ быть недостатка у молодыхъ людей, жаждущихъ знанія и саморазвитія. Практическія послѣдствія этихъ знаній и вліяніе на деревню скажутся сами собою, чему способствуетъ уже самый строй и программа этого рода знаній, въ качествѣ одного изъ предметовъ курсовъ. Въ видѣ образчика приведемъ нѣсколько данныхъ отчета Рязанской епархіи 1899 г. о размѣрахъ и родѣ занятій курсистовъ по указанному предмету.

Важнѣйшія общепользныя свѣдѣнія по школьной гигиенѣ и медицинѣ—на бывшихъ въ означенномъ году курсахъ въ г. Рязани принялъ на себя трудъ сообщить курсистамъ врачъ Семинарской больницы И. Ѳ. Любимовъ. Свѣдѣнія эти были предложены въ нѣсколькихъ бесѣдахъ, программа которыхъ состояла въ слѣдующемъ. Школьное помѣщеніе въ гигиеническомъ отношеніи. Значеніе *свѣта* для учащихся. *Воздухъ*; вентиляція классной комнаты, какъ необходимое условіе здоровья учащихся; болѣзни, происходящія отъ неочищеннаго воздуха; способы вентиляціи помѣщеній, въ которыхъ нѣтъ форточекъ и т. п.—*О водѣ*. Вода негодная для употребленія и средства для ея очищенія. Устройство простѣйшаго фильтра. Лучшая посуда для храненія воды (ведро съ крышкой и крапомъ). Объ устройствѣ ретирадныхъ мѣстъ. Объ устройствѣ классной мебели. Столъ, его размѣръ въ связи со скамейкой; отношеніе скамейки къ столу (дифференція

и дистанція). Размѣщеніе учениковъ по партамъ сообразно ихъ росту. Размѣщеніе ихъ сообразно особенностямъ зрѣнія, слуха и т. п.

Въ бесѣдахъ по медицинѣ были даны общедоступныя наставленія объ условіяхъ подаенія первоначальной медицинской помощи до прибытія врача. Въ частности, обращено было вниманіе на слѣдующіе случаи: леченіе порѣзовъ разными орудіями и въ разныхъ мѣстахъ; очищеніе раны, если она чѣмъ нибудь засорилась во время пораненія; остановка крови, текущей изъ раны; промывка раны (карболовая кислота, водка или кипяченая вода); какъ наложить бинтъ на рану и что сдѣлать въ томъ случаѣ, если бинтъ не остановитъ крови; наложеніе перевязки выше раны (напр. на рукѣ, ногѣ и др. мѣстахъ), если бинтъ не дѣйствуетъ на ранѣ; какъ поступить въ томъ случаѣ, если и этотъ бинтъ не произведетъ должнаго дѣйствія; леченіе ранъ, полученныхъ отъ ожога. Нужно ли прорывать мозоли и какъ ихъ прорывать. Какъ поступать при отмораживаніи какого-нибудь члена; оказаніе помощи совершенно замерзнувшему (какъ узнать, живъ онъ или мертвъ; возбужденіе искусственнаго дыханія). Солнечный ударъ. Какъ поступать при пораженіи молніею, при укушеніи бѣшенными животными и ядовитыми змѣями. Какія мѣры слѣдуетъ принимать для того, чтобы слюна бѣшеннаго животного не попала въ кровь и не заразила больного. Способы приведенія въ чувство опившихся водкою. Мѣры къ возвращенію жизни утопленника. Мѣры для остановки кровотеченій изъ носа. Какъ поступать при заразныхъ болѣзняхъ: кори, скарлатинѣ, оспѣ и дифтеритѣ. Мѣры къ предупрежденію зараженія другихъ. Какъ поступать при обремененіи желудка пищею, и т. п.

Бесѣды по *анатоміи* обнимали существенныя свѣдѣнія о строѣ человеческого тѣла и его отдѣльныхъ частяхъ, при чемъ всѣ эти свѣдѣнія сообщались обыкновенно

путно съ свѣдѣніями о гигиеническомъ отношеніи къ нимъ и значеніи тѣхъ или другихъ органовъ и частей тѣла въ жизни и дѣятельности человѣка.

Несомнѣнная польза и практическая пригодность всѣхъ этого рода знаній для учителя слишкомъ очевидна, чтобы ее доказывать. И не случайными какими-либо условіями только (напр. недостаткомъ фельдшеровъ и врачей для деревни) подсказывается ему необходимость указанныхъ знаній, а гораздо болѣе самымъ его призваніемъ учительства въ условіяхъ нашей деревни. Пока въ этой деревнѣ рядомъ съ учителемъ способны свободно уживаться колдуны и знахари, съ ихъ невѣжественнымъ вліяніемъ на народъ, до тѣхъ поръ его дѣятельность и значеніе не будутъ свободны отъ сомнѣній и возраженій, особенно со стороны людей, знающихъ нашу деревню и наблюдающихъ за нею лишь издалека и по наслышкѣ.

Возможность осуществленія на практикѣ и примѣненія къ дѣлу указанныхъ свѣдѣній едва ли можетъ допускать серьезныхъ возраженій. Мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, школы, гдѣ давно существуютъ маленькія аптечки, съ небольшими затратами на нихъ приносящія очевидную пользу и услугу не только самой школѣ, но и окрестному населенію. Такова, между прочимъ, аптечка при Чашниковской второклассной школѣ, Московскаго уѣзда, на расходы для которой идутъ проценты съ капитала въ 1000 руб., пожертвованнаго попечителемъ. Несомнѣнно, есть и другіе факты подобнаго рода, хотя отчеты и мало

занимаются ими. Извѣстны также случаи, что аптечками и средствами для подаванія первоначальной медицинской помощи обзаводились наиболѣе предприимчивые и ревностные сельскіе батюшки, находя въ этомъ совмѣщеніи врачеванія духовнаго и тѣлеснаго наиболѣе полное осуществленіе своего пастырскаго призванія. Еще болѣе сподручно и возможно подобное благородное дѣло учителю, во всякомъ случаѣ не болѣе священника обремененному дѣлами и имѣющему много другихъ преимуществъ предъ нимъ для указаннаго дѣла. Мы знавали школу, гдѣ ученики являлись весьма дѣятельными и полезными помощниками учителю въ составленіи и содержаніи аптечки, собирая лекарственные травы и растенія и помогая въ ихъ обработкѣ и приготовленіи лекарствъ, а равно знакомясь на практикѣ и съ самыми приемами первоначальнаго охраненія здоровья и борьбы съ болѣзнями. Благодаря такому распредѣленію столь важнаго труда „одного“ на „многихъ“, очевиднѣе выступали его успѣхи и плодотворность, и въ тоже время самое дѣло облегчалось и удешевлялось до послѣдней степени.

Главное для успѣха и плодотворности дѣла мы по справедливости видимъ въ *энергіи* учителя и его *желаніи* понести ради родного люда столь высокій трудъ. А затѣмъ эта энергія и желаніе приведутъ его и къ лучшимъ руководителямъ, при помощи и указаніяхъ которыхъ онъ можетъ взяться за дѣло,—и помогутъ преодолѣть всѣ другія трудности и неудобства.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Іюнь 1903.

Саратовское земство, какъ сообщаетъ „Гражданинъ“, занялось изслѣдованіемъ вопроса: имѣетъ ли воспитательное значеніе церковная школа грамотности, и обратилось съ вопросами такого изслѣдованія

къ земствамъ другихъ губерній. Удивляешься невольно, до чего доходитъ развязность нашихъ либераловъ-земцевъ, до какихъ „вопросовъ“ они додумываются. А что еслибы, положимъ, мѣстная епархіальная

власть вздумала изслѣдовать вопросъ: какое воспитательное значеніе имѣютъ земскія школы? Какую бурю негодованія вызвало бы такое изслѣдованіе! А вѣдь дѣло воспитанія народа, какъ ни говорите, по самому существу своему есть дѣло церковное и потому церковная власть больше, чѣмъ кто либо другой имѣетъ право заниматься такими „изслѣдованіями“. Русский народъ не хочетъ знать иного воспитанія, какъ только воспитаніе православнаго хрістіанина; для нашего народа въ этомъ понятіи заключаются и всѣ такъ называемыя „культурныя“ блага, потому что истинный православный хрістіанинъ есть человѣкъ, въ которомъ всѣ силы души находятся въ чудной гармоніи, который чуткой совѣстью провѣряетъ всякое свое слово, каждый поступокъ; вся его жизнь, вся дѣятельность обвѣяна духомъ смиреннаго послушанія Церкви, беззавѣтной любовью къ Богу и ближнему. Все это—такая область, которую надлежащимъ образомъ освѣтить, изслѣдовать, даже просто только оріентироваться въ ней, можетъ и должна Церковь. Вѣдь тутъ все дѣло вращается около вопросовъ совѣсти, внутренняго религіознаго чувства, и, если ужъ говорить о школѣ, то оно въ сущности сводится къ нравственной личности учителей, руководителей школы... Ну, возможное ли дѣло для земскихъ изслѣдователей во всемъ этомъ разобраться, какъ слѣдуетъ? Ихъ ли это дѣло? Наконецъ, если позволительно заглянуть въ тѣ внутреннія побужденія, какими руководились гг.-земцы, возбудившіе такой вопросъ, то что это такое? Что они разумѣли подъ „воспитательнымъ значеніемъ“?.. Чего они хотятъ отъ своихъ воспитателей-руководителей школы? Право же, при извѣстномъ предубѣжденіи большинства нашихъ земцевъ противъ Церкви и церковности, можно подозрѣвать, что саратовскіе „изслѣдователи“ просто-таки боятся, какъ бы церковная школа, хотя бы то была и самая простая школа грамоты, скромно дѣлая 'свое дѣло, привлекая къ народу любовь къ церковной грамотѣ, къ преданіямъ родной Церкви, не поставила непреодолимыхъ препятствій къ осуществленію тайныхъ желаній нѣкоторыхъ нашихъ либераловъ, которымъ такъ хотѣлось бы отравить народъ своими „безмысленными мечтаніями“. Мы знаемъ, мы слышали объ этихъ воистину „безмыслен-

ныхъ“ мечтаніяхъ въ отношеніи народнаго образованія по тѣмъ разглагольствіямъ, какія велись на учительскомъ сѣздѣ въ Москвѣ, о чемъ мы уже имѣли случай говорить въ *Нашемъ Дневникѣ* № 17. Уже ли до этого дошло?... Признаемся, зная отношеніе къ церковнымъ школамъ большинства земствъ, мы плохо вѣримъ, чтобы они особенно заботились о „воспитаніи“ народа въ духѣ церковности и православной нашей вѣры. Скорѣе всѣ тѣ земства, которыя на запросы саратовцевъ отвѣтили отрицательно, не признавая за церковными школами грамоты никакого воспитательнаго значенія, можно думать, питаютъ тѣже непріязненные чувства къ церковной школѣ и церковности въ воспитаніи народа, какъ и саратовское. Приходится радоваться, что нашлось хотя нѣсколько благоразумныхъ земствъ, которыя сочувственно высказались о церковной школѣ грамоты, а одно отвѣтило дѣловымъ тономъ, что какая бы ни была церковная школа грамотности, она все-таки школа и лучше желать, чтобы она была, чѣмъ желать, чтобы ея не было вовсе.

По поводу вышесказанной затѣи саратовскаго земства „Гражданинъ“ справедливо говоритъ: „интересъ этого курьезнаго факта саратовскаго земства, занимающагося изслѣдованіемъ по всей Россіи (только въ матушкѣ Россіи, замѣчаетъ въ скобкахъ газета, такіа сумбурныя и нелѣпыя явленія возможны) вопроса о воспитательномъ значеніи церковной школы, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что, именно, задавая такой вопросъ разнымъ земствамъ, саратовское земство обличаетъ свое полное невѣжество въ этомъ вопросѣ, невѣжество, именно, съ точки зрѣнія жизненной сущности вопроса. И дѣйствительно, надо не знать ни жизни, ни школы, чтобы циркулярно задавать такой общій вопросъ: имѣетъ-ли школа воспитательное значеніе или нѣтъ?“

„Что такое церковная школа грамоты? Это маленькая школа, устраиваемая сельскимъ священникомъ для обученія грамотѣ дѣтей, гдѣ учить подъ надзоромъ священника какое-нибудь имъ избранное лицо. Кто же не знаетъ, что въ такой школѣ все заключается не въ школѣ, а исключительно въ лицѣ учителя, и что именно въ такой маленькой школѣ грамотности, при незначительномъ количествѣ дѣтей, при

ограниченной программѣ обученія, воспитательнаго вліянія можетъ быть гораздо больше, чѣмъ не только въ многочисленной земской школѣ, но даже чѣмъ въ любой гимназіи. Если учитель этой маленькой школы, будь это отставной солдатъ или добрая какая-нибудь старушка, хорошій человѣкъ и любить дѣтей, то эта школа несомнѣнно имѣетъ большое воспитательное значеніе для дѣтей... Но надо быть полною тупицею, чтобы не понять, что про такое вліяніе школы, посредствомъ личныхъ отношеній учителя къ дѣтямъ, никакое земство знать не можетъ и никогда не узнаетъ, и слѣдовательно, обращаться къ нему съ вопросомъ о воспитательномъ вліяніи школы

грамоты совершенно такъ же основательно и осмысленно, какъ обратиться къ ветеринарамъ губерніи съ вопросомъ о вліяніи эстетики на крестьянскіе нравы.

„Но, разумѣется, всего интереснѣе, какъ знаменіе времени, тотъ фактъ, что не только не нашелся ни одинъ здравомыслящій человѣкъ въ саратовскомъ земствѣ, чтобы ему указать нелѣпость его изслѣдованія, но и не нашлось ни въ одномъ земствѣ въ Россіи здравомыслящаго человѣка, чтобы отвѣтить саратовскому земству: занимайтесь своими школами, а до церковной школы грамоты вамъ никакого нѣтъ дѣла.“

Заключеніе вполне справедливое и основательное.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Отъ редакціи.

1) Желающіе получить всѣ №№ „*Божіей Нивы*“, вышедшіе въ 1902 году (1—12), благоволятъ выслать 1 р. 5 коп.

2) Наложнымъ платежомъ безъ задатка Редакція ничего не высылаетъ.

3) Книга „Бесѣды о воспитаніи“ разошлась вся. Если будетъ выпущено 2-е изданіе, то редакція своевременно оповѣститъ о томъ своихъ читателей.

Новая книга *Прот. П. Смирнова*.
ПРОСЛАВЛЕНІЕ СВЯТЫХЪ
ВЪ ЦЕРКВИ ХРИСТІАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ.
Къ торжеству прославленія преподобнаго
и Богоноснаго отца нашего
СЕРАФИМА САРОВСКАГО.

Цѣна 30 коп.

Можно приобрѣтать сію и учебныя книги того же автора у Московскихъ книгопрод. В. В. Думнова (Мясницкая д. Обидиной, и А. Д. Ступина, Никольская ул.). Книжный складъ Думнова въ СПб. на Б. Конюш. д. № 1.

ВЫШЕЛЪ НОВЫЙ ВЫПУСКЪ „ТРОИЦКИХЪ ЛИСТКОВЪ“,

дополнительнаго счета четвертый (№№ 121—160-й).

Съ 11 рисунками въ текстѣ.

Цѣна 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

По 1 іюля 1903 года вышло всего 1180 №№ листковъ, въ которыхъ, на 4752 страницахъ помѣщено болѣе 1300 статей, со множествомъ рисунковъ, при чемъ съ № 801 по 1000-й идетъ непрерывно полное толкованіе на Евангеліе отъ Матвея, удостоенное преміи Св. Синода въ 1000 руб. Полный наборъ отдѣльныхъ листковъ, при требованіи за одинъ разъ, высылается, съ приложеніемъ къ нимъ систематическаго указателя и всѣхъ оглавленій, за 8 рублей 40 к. При требованіи листковъ частями цѣна ихъ безъ пересылки 70 коп., а съ пересылкой 90 коп. за сто. При требованіи на пять рублей—пересылка на счетъ редакціи. При каждой посылкѣ прилагается полный каталогъ всѣхъ изданій редакціи.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Москов. губ., въ Редак. **Троицкихъ Листковъ.**

Тамъ же можно получать: полный подборъ „*Троицкихъ Цвѣтковъ*“, всего 46 №№, съ пересылкой за 3 руб. 75 коп.; всѣ книжки „*Троицкой Народной Бесѣды*“, всего 22 книжки, за 3 руб. 65 коп. съ пересылкой. Кромѣ того имѣются въ продажѣ образки отъ 3 до 10 вершковъ разныхъ цѣнъ. Каталогъ по требованію высылается бесплатно.

Въ числѣ листковъ имѣются „Троицкіе Листки о преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ чудотворцѣ“ всего 42 №№. Цѣна за сотню 70 к., съ перес. 90 к.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА

„Церковно - приходская школа“

въ 1903—1904 подписномъ году (съ 1 августа 1903 года по 1 августа 1904 года).

Журналъ „Церковно - приходская школа“ въ наступающемъ съ 1 августа XVII году изданія своего останется неизмѣнно вѣрнымъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, при чемъ редакція позаботится о возможно полномъ и разностороннемъ выполненіи ея. Журналъ выходитъ въ 2-хъ отдѣлахъ, изъ коихъ первый предназначается для учащихся, а второй преимущественно для учащихся и вообще грамотныхъ крестьянъ; изъ статей этого отдѣла въ концѣ года составитъ полный и законченный томъ религіозно-нравственныхъ статей и статей по разнымъ отраслямъ знанія.

Программа журнала:

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также нѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ. Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ. Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще народныхъ школахъ. Свѣдѣнія о церк.-приход. школахъ въ епархіяхъ. Изъ школьнаго міра (хроника). Педагогическое обозрѣніе. Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію. Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію. Корреспонденціи. Небольшія статьи для чтенія въ школѣ и дома: а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной. б) Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой. в) Повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго содержанія. г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи. д) Притчи.

Цѣна годовому изданію ТРИ руб.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ 1) въ редакціи журнала „Церковно-приходская школа“, при Кіевскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ; 2) въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, при Кіевской духовной семинаріи.

Въ С.-Петербургѣ: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова.

Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомірова.

Редакторъ П. Игнатовичъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Дѣтскіе запросы среди житейскихъ тревогъ. *Димитрія Введенскаго.* — Любовь за любовь. (Изъ дневника нашего сотрудника). *Д. Введенскаго.* — Поучительная жизнь. Учит. Свящ. Н. В. — Въ лѣсу. (Изъ досуговъ о. наблюдателя). *Стихотв. Свящ. А. Державина.* — Посѣвы и всходы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ. — Нашъ дневникъ. — Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 7-я (шесть статей).

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Іюня 22 дня, 1903 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная
цѣна на
журналъ 1 р.
съ перес.; вы-
ходитъ
ежемесяч-
но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.